

Джеймс Уиллард Шульц

В стране врагов

6+

Джеймс Уиллард Шульц

В стране врагов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56566015

SelfPub; 2022

Аннотация

Совершив проступок, воин племени черноногих уходит к враждебному племени Ворон. Его сыну, от лица которого написана повесть, пришлось пережить множество приключений – плен, жизнь в другом племени, участие в сражении с белыми захватчиками.

Джеймс Уиллард Шульц

В стране врагов

Глава 1

Красное платье

Замечание автора. Апонис'тай (Белый Теленок) – старейший из живущих ныне членов племени индейцев-черноногих. Я впервые встретил его осенью 1880 года, когда он со своими людьми пришел на юг, чтобы жить рядом со стадами бизонов, которые в то время еще покрывали равнины между реками Миссури и Йеллоустоун. В то время ему было около тридцати лет, и он был одним из самых известных охотников и воинов своего племени. Много раз перед вечерним костром в его вигваме мы ужинали жареными бизоньими языками и жирными ребрами, которые приготовили для нас женщины, и потом, когда мы курили трубку с длинным чубуком, передавая ее друг другу, он рассказывал мне много историй о своих приключениях. Одно из них особенно меня заинтересовало, но за прошедшие годы все это почти стерлось из моей памяти. Теперь, прошлым летом, когда я посетил черноногих в их резервации в Глейшен, в Альберте, я

снова стал гостем в его вигваме, и он снова рассказал мне подробности истории, которая так давно заинтересовала меня.

– Это очень интересная история, я хочу ее записать, – сказал я ему.

– Ай! Сделай так. Не забудь это сделать, потому что в грядущие годы, когда мы, люди, помнящие время бизонов, уйдем, наши дети, идущие путем белых людей, прочтут об этом и узнают, как жили их отцы, когда вся земля от Саскачевана до Йеллоустоуна принадлежала им – только им.

Так что вот она – история, рассказанная стариком, так близко к его словам, как я смог ее перевести.

Мне было не так уж много зим, когда я понял, что мой отец, Много Лебедей, был человеком своеобразным. Он был очень необщительным, редко посещал другие вигвамы нашего большого лагеря, его редко приглашали даже к тем, кто состоял с ним в одном клане, чтобы попировать и покурить. Он был шаманом, обладателем священной магии бизона, изображение которого в полный размер было нарисовано на нашем вигваме: справа – бык, слева – корова, оба нарисованы черной краской, с красной линией жизни, проведенной от рта к сердцу, тоже красному. Отец часто ходил в набеги на кри, ассинибойнов, Ворон и сиу, всегда один, и всегда возвращался со скальпами, оружием и лошадьми, захваченными у врагов. Он был столь удачлив, что другие воины часто просили у него разрешения пойти с ним в набег, и он всегда отвечал, что его магия запрещает ему удовлетво-

рить их просьбы. Благодаря его успешным набегам и естественному приросту наш табун насчитывал несколько сотен лошадей и мог бы быть еще более многочисленным, если бы не его щедрость – он отдавал родственникам моей матери и своим много вражеских лошадей, оставляя нам самых быстрых, сильных и натренированных для охоты на бизонов.

Моя мать, Одинокая Женщина, была очень красивой, тело ее было стройным и сильным. Ее волосы, разделенные на две толстые косы, спускались почти до земли. Хотя она и была шаманкой, помощницей отца в его церемониях с талисманом бизона и всегда одной из тех женщин, которые каждое лето строят священную хижину Солнца, она оставалась очень жизнелюбивой. Она любила компании, песни, шутки, смех, и часто упрекала отца за то, что он всего этого избегает. На это он всегда отвечал:

– Я такой, какой есть. Когда меня нет, пусть наш вигвам будет полон твоих подруг, пируй и веселись вместе с ними. Когда я здесь, с тобой, ты должна охранять мой покой, чтобы я мог подумать о богах и понять их.

Каждый раз, когда отец уходил в свой одиночный набег, моя бабушка приходила жить со мной и моей матерью; она была матерью моей мамы. Другая моя бабушка уже умерла. По закону, которое Солнце дало нам в давние времена, мужчина не мог встречаться с матерью своей жены и даже видеть ее. Поэтому, когда мой отец возвращался из набега, он всегда останавливался на краю лагеря и просил кого-то сказать

его теще о том, что он пришел. и та быстро собирала свои вещи и, закрыв лицо накидкой, быстро отправлялась в свой вигвам через весь лагерь. Потом, когда отец входил в вигвам, он обязательно спрашивал о ее здоровье и говорил маме, каких лошадей должна она забрать, чтобы передать ей. И всегда при этом добавлял:

– Еще скажи ей, что я очень уважаю ее за ее доброе сердце, за ее праведную жизнь. Попроси ее молиться за меня.

– Она молится за тебя; она все время молится, прося долгой жизни и счастья для всех нас. Она очень гордится тем, что она – твоя теща, – отвечала мама.

Когда мне было шесть зим, может семь, я стал помогать отцу заботиться о его табуне, а когда он отсутствовал, я помогал тем, на кого он оставлял лошадей. Каждый вечер мы пригоняли табун в лагерь, и, выбрав самых лучших животных, привязывали их рядом с вигвамом, где они были в безопасности от вражеских отрядов. Утром мы отпускали их пастись с остальными лошадьми нашего табуна, позже, после завтрака, мы вели их на водопой, а потом отгоняли туда, где трава была получше, и там они оставались на весь день. Лошади всегда держатся друг друга, и животные из одного табуна не смешиваются с другими, так что человеку уследить за ними нетрудно – узнать свой табун можно издали по масти лошадей и их количеству. В табуне моего отца было много пятнистых лошадей – белых с черными, коричневыми, рыжими пятнами, эти животные были очень красивыми.

В мою двенадцатую весну наше племя стояло лагерем и охотилось на Кривой реке, чуть выше больших гор, а потом, в месяц Новой Травы, весной, мы переместились на юго-восток, к Разделенным Холмам, где было множество не только бизонов, но и других животных – вапити, лосей, оленей и антилоп. Однажды утром, вскоре после того, как мы туда прибыли, отец разбудил меня, велел одеться и пойти вместе с ним к нашему табуну.

День еще не настал. Я был очень сонным.

– Почему мы идем так рано? – спросил я.

– Потому что я волнуюсь за наших лошадей, я должен пойти к ним, – ответил он.

Мы прошли вниз по долине и, когда были уже к края равнины, настал день. С верхней части небольшого хребта мы увидели наш табун – многие лошади лежали, другие, опустив головы, спали стоя. До них было примерно два полета стрелы, и на половину этого расстояния склон был покрыт густым лесом, с подлеском из ив. Пока мы стояли и смотрели на своих лошадей, те одна за другой стали поднимать головы и смотреть в одно место – на край леса перед нами, правее нас. Некоторые стали бить землю копытами и всхрапывать, при этом те, что лежали, проснулись, поднялись и тоже установились в ту же точку.

Отец вытащил лук из чехла, натянул тетиву, достал три или четыре стрелы и шепнул мне, что что-то там не то происходит. Я пошел вслед за ним, когда он медленно и бесшумно

направился к этому месту. А потом, когда мы были почти на краю леса, то заметили прямо перед собой двух человек, которые вышли из леса и медленно направились к табуну – у каждого в руке была свернутая веревка с петлей на конце, и у каждого на затылке торчало по орлиному перу. Отец быстро вышел из леса на три-четыре шага и выпустил в одного из них стрелу, которая вонзилась ему между лопаток; тот с громким криком взмахнул руками, покачнулся и упал.

Другой оглянулся и, увидев нас, бросил веревку и побежал обратно, чтобы найти укрытие в лесу справа от нас. Мой отец пустил в него стрелу, она вошла ему в правое плечо; он вскрикнул от боли, но продолжал бежать. Отец наложил другую стрелу, но, когда он готов был выстрелить, то вот незадача! тетива порвалась.

Так что человек добежал до леса, а мы были бессильны ему помешать. Ведь, как сказал отец, это могло грозить нам смертью, потому что он мог спрятаться и застрелить нас, когда мы приблизимся.

Поэтому мы подбежали к другому, который был убит наповал, и отец забрал его оружие и щит, а потом дотронулся до него концом лука, посчитав себе очередной ку. Потом, согнав наш табун, мы сели каждый на одну из лошадей и быстро погнали их в лагерь. Там отец попросил помочь выследить врага, который смог скрыться от него. В поисках участвовало несколько сотен человек, пока остальные охраняли лошадей. Поиски раненого врага продолжались весь день, но даже сле-

дов его не нашли. Кто-то сказал, что раненый, должно быть, заполз в густой кустарник и там умер, но отец стоял на том, что тот смог скрыться от преследователей. Потому что рана его не была тяжелой – стрела попала ему в мышцу плеча.

Было много разговоров о том, кем были эти двое – судя по перу из хвоста орла, торчащему на затылке, они могли быть Воронами или сиу. Но к какому именно племени они принадлежали, никто с уверенностью сказать не мог. Долго еще после этого утра отец упрекал себя за то, что у него не было запасной тетивы.

– Из-за моей беспечности, из-за того, что я не взял запасную тетиву, хотя и знал, что тетива плохая, я не смог посчитать ку на убежавшем враге. Я больше никогда его не увижу, – часто говорил он.

Мой отец был жрецом Солнца, боги его любили и часто посылали ему видения о том, что ждет нас в будущем, поэтому кажется очень странным, что отец не имел никакого предчувствия о том, что мы снова встретимся с этим врагом.

Минула моя шестнадцатая зима, и с первой луной лета мы отправились на торговый пост на Кривой реке, чтобы обменять добытые за зиму меха на товары белых. В нашем вигваме было около ста бобровых шкур – мы с отцом ставили капканы, а моя мать очищала их от сала и сушила на рамках из ивовых прутьев. Мехов у нас было много, и мать уговорила отца обменять сорок шкур на ружье и запас пороха, пуль и капсулей. Он отказался.

– Мое видение против этого. Ты знаешь, мне было предписано использовать как оружие только лук и стрелы, – ответил он. – Что до меня, то мне от торговцев нужен только запас табака, которого должно хватить до следующего лета. Так что, женщина моя, купи его для меня, а потом купи для себя, нашего сына и твоей доброй матери то, что захочешь.

При этих словах мать взяла его за руку, нежно погладила ее и сказала:

– Ты щедр! Так добр, так щедр к нам! И всегда так молчалив и так печален! О, почему не можешь ты быть таким, как другие – счастливым и щедрым к себе самому? У нас так много бобровых шкур, ты мог бы купить себе много красивых вещей, которые продают белые. Я была бы рада видеть, что у тебя на плечи наброшено одеяло, каждый день разного цвета. Я хотела бы, чтобы ты пользовался красками белых, чтобы у тебя был далеко видящий инструмент и, чтобы ни говорило твое давнее видение, ружье.

Так что мы с матерью нагрузили бобровые шкуры на трех лошадей и отправились на торговый пост, моя бабушка нас сопровождала. Прибыв туда, мы занесли бобровые шкуры в торговый зал, сели на них и стали разглядывать товары, разложенные на полках за длинной высокой стойкой, решая, что из них нам хотелось бы приобрести.

– Первым делом нужно купить табак, сколько дадут его за десять шкур, – сказала мама.

– Нет. Табака на двадцать шкур; вы должны быть уверен-

ными в том, что твоему мужу хватит его до следующего раза, – сказала бабушка.

– Да, – согласилась мама.

Потом они пошептались, и я услышал, что речь идет о ружье. Неужели они хотят купить его для отца, хоть он и говорил, что не хочет его иметь?

Тут снаружи послышался шум: кричали люди, ржали лошади, лаяли собаки. Мама испугалась, что случилось что-то с нашими лошадьми, и велела мне выйти и присмотреть за ними. Я не хотел уходить. Я хотел видеть, как она продает наши шкуры. Но бабушка сказала мне:

– Ты слышал, что сказала мама. Не спорь! Иди!

Я вышел. Наши лошади стояли там, где мы их оставили. Две другие, рядом с ними, запутались в привязи и начали лягать одна другую. Я помог хозяевам освободить и успокоить их.

Чуть позже мама вышла из дверей поста и позвала меня. Я вошел за ней в торговый зал, и она показала мне на небольшую кучу на полу: одеяла, табак, красную и синюю ткань, а сверху лежало ружье, жестянка с порохом и мешочек с пулями.

– Это тебе – ружье и еда для него, – сказала она. – Забирай все это.

Я был так взволнован, что не мог говорить, меня трясло. Бабушка посмотрела на меня и улыбнулась. Белый торговец за стойкой тоже смотрел на меня и улыбался. Я взял ружье

и все что к нему прилагалось, женщины взяли все остальное. Мы вышли наружу, нагрузили лошадей и отправились домой – бабушка в свой вигвам, мы с мамой в свой. Мы вошли внутрь и мама разложила перед отцом вещи, купленные для него: большой запас табака, три одеяла и большой нож.

Он увидел ружье в моих руках и сердито сказал ей:

– Я же говорил тебе, что у меня никогда не будет ружья!

– У тебя его не будет; это ружье твоего сына, – ответила она.

Он улыбнулся.

– Хорошо! Я рад, что ты купила ему ружье. Но что ты купила для себя и своей матери?

– Для нее – два одеяла, синюю и красную ткань на два платья и красную краску.

– А себе?

– Ничего.

– Никогда еще не было женщины, более доброй и щедрой, чем ты! – воскликнул он.

И, подняв одеяла, он положил их на ее край лежанки и добавил:

– Они твои, все твои. Ни одного из них я носить не стану.

И мама всхлипнула – она была счастлива.

Потом, когда я оседлал двух хороших лошадей, и мы с отцом направились по равнине на север, он научил меня, как заряжать ружье, целиться и стрелять, и очень хвалил меня, когда я спугнул стадо антилоп и подстрелил одну из них. И

потом, когда мы возвращались домой со шкурой и мясом, он несколько раз говорил мне, что я никогда не должен забывать о том, как добра моя мать, которая подарила мне ружье, и что я всегда должен делать все, чтобы она была счастлива.

Следующим вечером, как я помню, он сказал моей маме:

– Я думаю, что твоя мать шьет себе платье из красной и сине ткани, которую ты ей купила?

– Сшила одно, из красной ткани, и сейчас украшает его лосиными зубами¹, ответила она.

– Ах! Красивое это будет платье. Хотел бы я посмотреть, как она в нем выглядит!

– Ты просто стыд потерял! Хочешь увидеть свою тещу²...

– Да я не об этом. Я просто говорю, что красное платье, украшенное лосиными зубами, должно быть очень красивым, – быстро ответил он.

Все же мысли о платье его не покидали, потому что в течение нескольких следующих дней он часто говорил о нем, спрашивал, сколько рядов бусин из лосиных зубов будет на платье и будут ли они на рукавах тоже.

– Да ты просто смешон! Почему тебя так интересует, как сшито женское платье? – наконец воскликнула мать. – Ладно, если тебе это так интересно, на каждом рукаве будет по четыре ряда бусин.

Наконец, однажды вечером она сказала, что платье готово и моя бабушка носит его.

– Ах! – воскликнул отец; он долго смотрел на огонь в на-

шем очаге, а потом, завернувшись в кожаную накидку, вышел в ночь.

Мама подбросила дров в костер; мы немного поговорили, потом она снова подбросила дров, чтобы в вигваме было светло и уютно, когда вернется отец. Но он все не приходил, а у нас стали слипаться глаза, и мы легли спать.

На рассвете мама подошла к моей лежанке и разбудила меня, крича:

– Твой отец не вернулся! Я очень волнуюсь. Мы должны узнать, где он; может, кто-нибудь знает, куда он ушел и зачем.

Я торопливо набросил одежду и завязывал мокасины, когда вошел отец, и, не сказав нам ни слова, пересек вигвам и сел на свою лежанку. Он выглядел очень печальным; его волосы, всегда аккуратно расчесанные, были растрепаны. Он ничего не ответил, когда мама сказала ему, как она волновалась из-за того, что его всю ночь не было дома, и спросила его, куда он уходил. Она быстро развела огонь, поставила перед ним чашу с водой и стала готовить завтрак. Он, словно во сне, уставился на чашу с водой, потом вымыл лицо и руки и причесался. Потом снова уставился в огонь усталым и беспокойным взглядом.

Когда он отказался от чаши с прекрасно приготовленным мясом, которую поставила перед ним мама, она спросила его:

– Много Лебедей! Муж мой! Почему ты так печален, так

обеспокоен?

– Я совершил нечто ужасное! Не спрашивай меня об этом! Мне очень, очень стыдно за себя! – ответил он и больше ничего не сказал.

Потом, когда солнце было уже высоко, он взял чехол с луком и стрелами и веревку и сказал, что пойдет собрать лошадей и отвести их на водопой. Когда я приготовился идти с ним, он мне велел оставаться с мамой и сказал, что весь день его не будет.

Через некоторое время мы с мамой вышли к краю лагеря и оттуда смотрели, как он гонит наш табун к воде. Вернув их на пастбище, он направился к северному краю долины, спешился и сел на землю; хотя лица его мы видеть не могли, мы все же знали, что ему не дает покоя то, что он сделал этой ночью.

Раз за разом в течение этого дня, когда мы смотрели на него, продолжавшего сидеть на том же месте, мама говорила мне:

– Твой отец – настоящий мужчина. Он никогда никого не обидит. Я уверена, что он волнуется из-за чего-то, что не имеет большого значения.

Он оставался там, на краю долины, весь день, без еды и воды, пока солнце не спустилось к горам, а потом, спустившись, он привел наших лучших охотничьих лошадей, и я помог ему привязать их около вигвама. Он был так же печален и молчалив, но все же съел немного мяса, выпил воды, набил

и выкурил трубку.

Наконец он сказал нам:

– Моя женщина, мой сын, этим вечером упакуйте все наши вещи, потому что завтра мы покидаем лагерь.

– Зачем? Куда мы пойдем? – спросила мама.

– Я не стану объяснять. Я просто говорю, что завтра мы покидаем этот лагерь, – кратко ответил он.

Он был так печален, так необычно говорил с нами, что мы не решались задавать ему вопросы. Моя мама достала свои многочисленные парфлешки, и я стал помогать ей укладывать наши пожитки.

Утром, когда я привел наших лошадей и мы стали седлать и навьючивать их, вокруг собрались люди и стали спрашивать нас, куда мы идем и почему покидаем лагерь. Мы с мамой не могли ответить на эти вопросы, а отец сказал им только:

– Мы на время уходим на юг. У меня на это есть причины.

– Но это очень опасно. Равнины полны вражескими военными отрядами, – сказал вождь Три Медведя.

– У меня есть сильный защитник – моя магия бизона, – ответил он.

Я слышал, как люди говорят друг другу, что мой отец – человек себе на уме, и что бесполезно спорить с ним и бесполезно отговаривать его от того, что завладело его сердцем.

Моя мама выкроила время для того, чтобы пересечь лагерь и сказать бабушке о нашем отъезде. Когда мы сели в

седла и пустились в путь вместе со множеством своих нагруженных и ненагруженных лошадей, мы слышали ее горькие причитания по поводу нашего отъезда. Отец был впереди, нам он велел следить за лошадьми, которые шли за ним, и двигаться как можно быстрее. Скоро мы добрались до края долины и дальше пошли по ней на юг; мы с мамой были очень печальны и боялись того, что может нас ожидать. Так мы двигались весь день и часть ночи, и остановились только на берегу реки Высокой, где она вытекает на равнину у подножия высоких гор. Вигвам мы ставить не стали; нескольких лучших лошадей привязали рядом, еще нескольких стреножили и, разложив постели, легли и уснули.

Утром мы проснулись еще до восхода, и, пока мама разводила огонь и готовила завтрак, мы с отцом проверили лошадей и искупались в холодной реке.

Он выглядел приветливее, чем раньше, и, пока мы ели, мама спросила его:

– Много Лебедей, куда мы направляемся?

– Сегодня никуда. До ночи мы останемся здесь, а потом соберемся и пойдем дальше на юг, чтобы избежать встречи с военными отрядами, которые могут проходить вдоль подножия гор.

– Но ты не ответил на мой вопрос, – продолжила она. – Я спросила, куда на юг мы идем – ведешь ли ты нас к нашим братьям, пикуни или Крови, или к нашим друзьям, Большим Животам, которые ставят свои лагеря по Большой реке или у

впадающих в нее ручьев? Несомненно, что сейчас кто-то из них повезет свою зимнюю добычу на продажу в форт Длинных Ножей Много Домов, на Большой реке³.

Как черная туча скрывает солнце и затеняет землю, так вопрос моей матери изменил выражение лица моего отца. Доброжелательное выражение исчезло. Нахмурившись, он с грустью долго смотрел на наш маленький костер, и наконец ответил:

– Мы не идем в лагерь наших братьев. Мы идем туда, где мне ничего не будет все время напоминать о той постыдной вещи, которую я совершил. Женщина, мы идем жить к Воронам.

При этом моя мама отшатнулась, словно от удара, а я задрожал, словно от порыва зимнего ветра. Потом она воскликнула:

– Вороны! Из всех враждебных племен они хуже всех. Ты хочешь, чтобы они нас убили!

– Нет. Они нас не убьют. Моя магия бизона защитит нас от этого, я этой ночью получил об этом видение. Я видел, как тает зимний снег, и на проталинах растет новая трава. Поэтому, когда я проснулся, то понял, что увижу, как наступит следующее лето, и решил, что мы должны пойти жить с Воронами.

– Но твое видение не показало, что твоя женщина и твой сын увидят следующее лето, – с грустью сказала мама.

– Мое будущее – это будущее и вас двоих. И я больше ни-

чего не хочу об этом слышать. *Мы идем жить с Воронами!* – кратко ответил он.

Для нас с мамой этот день был ужасно тяжелым. Нам казалось, что отец ведет нас на юг, чтобы быть убитыми нашими злейшими врагами. То и дело мы спрашивали друг друга, что это за постыдное дело, которое он совершил, что увело нас от тех, кого мы любили, из мирного и безопасного лагеря к опасностям дальнего пути на юг. Тяжело, очень тяжело было у нас на сердце, когда мы на закате седлали и навьючивали своих лошадей и отправлялись в путь.

Глава

II

Опасная тропа

Скоро появилось Ночное Светило, оно сияло так ярко, что стало светло, как днем. Зимой наши никогда не охотились южнее Высокой реки, поэтому земля там была полна стадами бизонов и антилоп, и были животные такими непугаными, что лишь недалеко отбегали, когда мы приближались к ним. Всю ночь, идя на юг вдоль подножия больших гор, мы видели эти стада, и, когда на рассвете остановились на вершине высокого хребта, откуда открывался хороший обзор на лежащую перед нами местность, отец сказал, что никогда за всю свою жизнь не видел таких многочисленных и крупных

стад, как те, что были вокруг нас. Животные спокойно паслись или отдыхали, и для нас это было хорошим знаком — вражеских отрядов поблизости не было.

После недолгого отдыха на вершине хребта мы снова сели на лошадей и продолжили путь, и, когда солнце прошло половину своего пути в синеве, мы добрались до реки Старика и остановились в роще хлопковых деревьев. Разгружая выючных лошадей, мы слышали шум от множества животных, которые приближались к нам, и подбежали к краю рощи, чтобы узнать причину этого. Большое стадо бизонов бежало к реке, и молодые животные так хотели пить, что они вырвались вперед, пересекли долину и забежали в воду, оставив старых быков, коров и телят позади. Мама предложила убить одного из них, и после некоторых раздумий отец сказал мне взять ружье и сделать, что смогу. Я на четвереньках выбрался из рощи, заполз в кустарник и тщательно прицелился в корову-двухлетку, которая, напившись, вышла из реки, чтобы попасться. Бабах! Моя пуля пронзила ее легкие, она сделала два-три прыжка и упала. Стадо, напуганное моим выстрелом, помчалось вниз по долине. Мы вернулись в рощу, закончили разгружать лошадей и потом вернулись, чтобы разделить мою добычу и забрать язык, печень и лучшие части мяса. Я был так рад, что хорошо управился с ружьем, а мама так гордилась моей меткостью, что на время мы забыли об опасностях, к которым вел нас отец. Она спела несколько песенок, пока жарила нам нарезанные на ломтики печень и

язык, и была очень разговорчива, пока мы ели эту отличную пищу.

Когда мы закончили есть, отец сказал:

– Немного выше, как вы знаете, находится место, где играл Старик⁴. На том месте, когда он ушел, остались большие круглые камни, которые катали он и Красный Старик, пока играли друг с другом. Это место очень святое, так что я должен пойти туда, помолиться и лечь спать, и, быть может, получить видение о том, что нам делать дальше. Не бойтесь, вы двое здесь в полной безопасности. Ложитесь спать, и, если вы проснетесь прежде, чем я вернусь, приготовьте побольше еды, ешьте и терпеливо ожидайте моего возвращения.

Ни я, ни мама ничего на это не ответили. Мы с печалью смотрели, как он берет свой сверток со священным талисманом, чехол с луком и стрелами, и уходит от нас. Наши страхи вернулись и были сильнее, чем прежде; сильнее, чем прежде, мы хотели вернуться в большой лагерь нашего народа. Моя мама усадила меня рядом с собой; она обняла меня и заплакала.

Меня одолела злость.

– Это неправильно – мы не должны быть здесь и ночь за ночью уходить от своего народа дальше на юг, в страну врагов. Давай сейчас, пока есть возможность, сядем на лошадей и вернемся как можно быстрее! – сказал я.

Мама выпрямилась и уставилась на меня широко открытыми глазами.

– Даже если я буду точно знать, что он ведет меня к смерти, я не покину своего мужчину! – крикнула она. – А ты, его сын, которого он так любит – пусть даже он всегда молчит и странно себя ведет – как мог ты предложить нам оставить его? Подумай! Как могу я согласиться с этим, неужели ты действительно готов прямо сейчас покинуть его и вернуться?

– Нет. Я был зол; я не это хотел сказать. Куда бы он ни шел, мы должны идти за ним. Но как это тяжело! Он так непонятно поступает! Что же такого постыдного он совершил, что это не дает ему покоя и он не может оставаться со своим народом?

– Ах! Если бы я это знала! Против него никто ничего не говорил. Я уверена, что он сам вообразил, что сделал что-то не то, – ответила она.

– Ну так почему бы не спросить его об этом? Быть может, ты сможешь уговорить его вернуться...

– Ты не хуже меня знаешь, что нельзя задавать вопросы жрецу Солнца. Только он сам может решить, сказать ли о том, что заставило его так поступить, – ответила она.

Мы очень устали после долгой поездки. Мы прекратили разговор, легли рядом и уснули.

Меня разбудила мама, она шептала мне на ухо:

– Проснись. Не двигайся. Только смотри.

Я лежал на левом боку; она была у меня за спиной, ее голова была у моего плеча, рукой она обнимала меня и вдруг

крепко сжала. Я открыл глаза и услышал новый звук – громкое сопение и чавканье. Хайя! Меньше чем в двадцати шагах от нас огромный настоящий медведь⁵ ел мясо, которое мы принесли после разделки добытого мною бизона, ел жадно, кусок за куском. Внезапно он поднял голову и зарычал – к нему приближался еще один медведь, огромный, размером с бизониху. Он шел спокойно, раскачиваясь тяжелой тушей, длинная шерсть тряслась при каждом шаге, Я чувствовал, как бьется мамино сердце – все быстрее, быстрее и быстрее. Мое сердце, казалось, хочет выскочить через горло. Я очень испугался, потому что эти животные были очень опасными и нападали на человека, едва его завидев, и при этом были такими живучими, что еще долго продолжали драться, даже получив рану, которая сразу валила бизона или оленя. Я знал также, что единственным для нас шансом на спасение было не вскочить и бежать а оставаться на месте и не двигаться. Это было тяжело, очень тяжело – ведь наши тела так и хотели вскочить и скрыться.

Первый медведь внезапно издал громоподобный рев и сделал короткий прыжок в сторону другого, но тот, не рыча, продолжал так же двигаться, и первый вернулся к мясу, схватил зубами большой кусок и с ним убежал. Высоко подняв голову, обнюхивая воздух своим подвижным мокрым черным носом, второй медведь подошел к оставшемуся мясу, быстро доел его и, видя что ничего больше не осталось, пошел в ту же сторону, что и первый и скрылся с наших глаз.

Оба пошли вниз от рощи. Мы вскочили на ноги, и мама сказала, что они могут вернуться, поэтому нам нужно уйти. Мы побежали в другую сторону, выбежали из рощи и добежали до края долины. Оглянувшись, мы увидели, как более крупный медведь пирует над убитым мною бизоном, а другой, тот что меньше, сидит рядом и ждет своей очереди. Большой не считал, что другому должно что-то достаться. Наевшись до отвала, он растянулся рядом с остатками туши, чтобы стеречь ее. Тогда тот, что меньше, развернулся и ушел обратно в рощу.

День почти закончился. Мы с нетерпением ждали прихода отца и разговаривали о том, как спаслись от медведей. Лошадей мы не привязывали, и они спокойно отдыхали у самой реки, выше рощи, в которой мы укрылись. Я предложил пойти наверх, к отцу, туда, где играл Старик, но мама не согласилась: нельзя его тревожить, сказала она. Солнце уже садилось, когда мы увидели, как он спускается по долине. Мы побежали ему навстречу и рассказали о нашем приключении с медведями.

– Ну что же, вы не пострадали, с вами все хорошо, а мне было послано хорошее видение, пока я спал там, на этом священном месте. Так что сейчас мы приведем лошадей в рощу, нагрузим их и продолжим путь, – сказал он.

– Но мы не сможем этого сделать: один из медведей в роще, второй рядом с ней, у туши бизона, которого убил наш сын, – возразила мама.

– Они так наелись, что не думают ни о чем ином, кроме сна, а поскольку ветер дует вниз по долине, лошади их не учуют. Пойдем, уложим вещи и двинемся в путь, пока совсем не стемнело, – ответил он, и возразить нам было нечего.

Он оказался прав: пока мы седлали и грузили лошадей, медведи не появлялись, но мы с мамой боялись вздохнуть полной грудью, пока не пересекли реку и не поднялись по южному склону долины.

Следующим утром, вскоре после рассвета, мы остановились на ручье Переброшенной Вережки⁶, у подножия гор. Здесь тоже повсюду были стада бизонов и антилоп, и, пока мы снимали поклажу с лошадей, я предложил добыть что-нибудь на завтрак с помощью моего ружья. Но нет. Отец сказал, что заряды надо беречь на крайний случай, и для того, чтобы добыть пропитание, следует использовать лук и стрелы. Его приказ меня очень огорчил: мне нравился грохот выстрела, следующий за ним удар пули в тело выбранного мною животного, а потом как животное падает. Да, с ружьем я себя чувствовал таким же могучим, как Гром-Птица со своими огненными стрелами. Я сказал о том, что думаю; отец рассмехался.

– Почему ты смеешься? – спросил я.

– Если ты так действительно думаешь, почему ты не защитил свою маму, застрелив медведя?

– Ты сам хорошо знаешь, что даже из ружья нельзя наверняка застрелить такого сильного и живучего зверя, – сказала

ему мама.

– Я не стал стрелять в него, потому что боялся, что мы встретим свою смерть так же, как и Красное Перо прошлым летом: мы нашли его мертвым и растерзанным, рядом было его разряженное ружье и мертвый гризли, пораженный в сердце, – сказал я.

– Тут ты совершенно прав; я не шучу, – серьезно ответил отец. – Медведи, настоящие медведи, намного сильнее нас, ходящих на двух ногах. Они тоже могут так ходить; их тела, не считая головы, выглядят почти как наши. Они наши родичи – родичи, которые нас ненавидят. Старайся избегать их, сын мой, при любой возможности. Ну, а нам нужна пища. Я ее добуду. А вы двое пока собирайте хворост и разводите костер.

С этими словами он сел на самую быструю нашу лошадь и пересек ручей, направляясь к небольшому стаду бизонов, идущих к воде. Они увидели его, повернулись и побежали обратно, но, прежде чем они добежали до подножия склона, поднимающегося к долине, он уже был среди них и выпустил стрелу, которая глубоко вошла в бок коровы-двухлетки. Мы видели, как она упала, и как он спешил рядом с ней. Когда костер прогорел, прекратившись в груды раскаленных углей, он вернулся к нам, принес язык и лучшие части мяса. Мы скоро утолили голод, и, зайдя в рощу, разгрузили лошадей, легли и уснули.

Следующая остановка была на Маленькой реке⁷, самом

северном потоке их тех, что стекают с больших гор и текут на юг и восток, впадая в Большую Южную реку, оттуда мы прошли к Березовому ручью, дальше к Молочной реке⁸, и потом, пропутешествовав всю ночь и значительную часть дня, остановились на Большой реке⁹, там, где в нее впадает река Верхушек Скал¹⁰, чуть выше верхнего из водопадов Большой реки.

Здесь мы нашли следы недавно покинутого лагеря нашего племени – несомненно, пикуни; сотни следов от мест, где стояли вигвамы, пепел в очагах был еще легким и пушистым, вокруг валялась выброшенная одежда и изношенные мокасины, вышивка на которых несомненно показывала их принадлежность пикуни. Мы также поняли, что люди, покинувшие лагерь, направились по тропе вниз по реке, несомненно отправившись в форт Больших Ножей Много Домов, чтобы продать добытые за зиму меха.

Когда мы сидели вокруг маленького костра и ели поджаренное на нем жирное мясо, я заметил, что отец пребывает в хорошем настроении, а мама, печально глядя на него, хочет, и в тоже время боится, спросить что-то, что ее мучает.

Наконец она набралась смелости:

– Много Лебедей, отсюда всего день пути до форта Больших Ножей, где сейчас находятся торгующие с ними наши друзья пикуни и другие родичи. Давай отправимся туда, останемся с ними хоть на несколько ночей.

– Да, отец, давай пойдем туда, – подхватил я, но, еще не закончив фразы, я уже знал, что это предложение будет отвергнуто, потому что отец сразу помрачнел и уставился на огонь.

– Вы двое, почему вы просите меня об этом? – сказал он после долгой паузы. – Мой разум пребывал в покое, но вы вновь вернули мне неприятные воспоминания о постыдном поступке, спасения от которых я теперь ищу. Если я сделаю то, что вы просите, останусь несколько дней с нашими братьями, то этот стыд будет преследовать меня днем и ночью, когда я сплю. Нет, я не могу свернуть с пути на юг. Мы будем следовать ему, пока не прибудем в лагерь Ворон.

– О муж мой! Ради любви к нашему сыну, ради меня, скажи нам, что это было, скажи, что такого постыдного ты сделал! – взмолилась моя мама.

Он долго думал и наконец ответил:

– Вы узнаете об этом позже.

Мама склонила голову; слезы текли у нее по щекам. Она ничего больше не говорила. Я чувствовал себя столь же несчастным, как и она, но что могли мы сделать? Ничего.

Мы отдохнули в роще у устья реки Верхушек Скал¹¹ и перед закатом нагрузили лошадей и, перейдя Большую реку по широкому броду выше водопада вверх по течению¹², продолжили путь по большой тропе, которая теперь шла на юго-восток, обходя горы Пояса. Ночь прошла без происшествий, и вскоре после рассвета мы остановились в хорошем

укрытие на равнине – укрытую крутыми склонами долину реки Стрелы. Но, едва мы разгрузили выючных лошадей, как мама, пойдя за водой к реке, увидела на берегу человеческие следы и позвала нас. Следы были довольно свежими; это были отпечатки ног, обутых в мокасины из мягкой кожи. По этой детали мы поняли, что прошедший здесь человек был врагом, потому что черноногие и дружественные им племена носили мокасины с подошвой из толстой кожи.

Внимательно осмотрев узкую долину и утесы по обеим берегам реки, отец произнес:

– Если враги так близко, мы не можем оставаться здесь. Пойдемте, нужно снова нагрузить лошадей и выбираться на равнину.

Мы побежали к лошадям, быстро оседлали их и нагрузили, и продолжили путь. Тропа в долину спускалась по длинному узкому извилистому ущелью, и вверх она шла по похожему ущелью с южного берега: это был единственный путь, по которому можно было пересечь долину, другие тропы были далеко к западу и востоку. Когда мы пересекли реку и приблизились к концу ущелья с южной стороны, на вершине утеса на южной стороне, к западу от нас, появились три человека, довольно далеко от нас, и по их крикам, сигналам и тому, что они указывали на нас руками, мы поняли, что это разведчики вражеского отряда, несомненно остановившегося на отдых у реки, и что они дают им знак поторопиться вниз по долине и напасть на нас. Мы слышали ответные

крики отряда, но из-за деревьев, росших выше нас, не могли их видеть. Потом, перед тем, как войти в ущелье, мы заметили, что разведчики сбежали с утеса и побежали, чтобы опередить нас. Отец крикнул нам с мамой:

– Если разведчики будут у конца ущелья раньше, чем мы выйдем на равнину, нам конец! Подгоняйте лошадей, спешите за мной как можно быстрее!

Мы стали хлестать лошадей веревками, подгонять их криками, и когда мы вошли в ущелье, они уже бежали. Довольно долго тропа шла прямо по дну ущелья, и было легко поддерживать хорошую скорость бега, но потом тропа вдруг свернула на правую сторону ущелья, обходя кучи бурелома, и стала такой узкой, что двигаться по ней можно было только гуськом, по одной лошади в ряд, а дальше была линия обвалившихся утесов, не дававшая табуны выйти на равнину. Поэтому мы с мамой не смогли заставить лошадей двигаться так же быстро, а на узкой тропе они перешли на шаг. Отец все время оглядывался на нас, знаками веля нам поторопиться, хотя и понимал, что мы не можем заставить лошадей двигаться быстрее. А мы в свою очередь тоже оглядывались, ожидая увидеть нагоняющий нас военный отряд. Наконец мы их увидели – больше двадцати человек, бежавших за нами.

Теперь тропа снова спускалась на дно ущелья и расширялась, и нам снова нужно было подгонять лошадей, нахлестывая их и не давая разбегаться, и они с рыси перешли на галоп.

Так двигаясь, мы потеряли из виду наших преследователей. Мы уже поднялись до уровня равнины и видели за стеной утесов ее склон, покрытый зеленой травой. Но тут на вершине последнего утеса справа внезапно появились три вражеских разведчика и, натянув луки, приготовились стрелять в нас, когда мы будем проезжать под ними. Они танцевали, пели и знаками призывали нас приблизиться к ним. Они были уверены в том, что с помощью отряда, который нас преследовал, они скоро получат наши скальпы, лошадей и всю их поклажу. Мы с мамой думали так же. Да, нам пришел конец. Тут отец вдруг указал направо и вверх, крикнул мне следовать за ним, а маме – следить за лошадьми и гнать их дальше по тропе. Я увидел, что там, куда указывал отец, в стене утесов был проход – очень узкий и очень крутой, но вполне проходимый. Я последовал туда за отцом, поднялся через него на равнину, и мы оказались рядом с тремя разведчиками, стоявшими на краю утеса. Лошадь моего отца была намного быстрее моей, он сильно ее подгонял и оставил меня далеко позади. Он выехал прямо к этой троице, поджидавшей его с луками наготове. Они выпустили в него стрелы, он тоже пустил в них стрелу. Средний из врагов упал, упала и лошадь моего отца, но сам он приземлился на ноги и почти сразу пустил стрелу прямо в грудь второго, а третий развернулся и побежал к разрыву среди утесов, через который мы пришли – без сомнения, намереваясь присоединиться к своему отряду, который поднимался по тропе. Отец выпустил в

него несколько стрел, но не попал, а преследовать его он не мог, потому что повредил колено, когда прыгал с упавшей лошади.

Я очень боялся, что враг спустится в ущелье в тот момент, когда там будет проходить моя мама, и убьет ее, потому что в одиночку ей трудно было справиться с нашим табуном – лошади проголодались и устали после длинного перехода и, оказавшись на равнине, сразу бы остановились, чтобы пощипать траву. Я не решался стрелять в него с седла, потому что с двигавшейся лошади не мог верно прицелиться. Поэтому я натянул уздечку, спрыгнул с лошади и, встав на колено, прицелился и спустил курок. Бабах! Я услышал звук удара пули о тело и сквозь облако порохового дыма разглядел, как тот взмахнул руками, споткнулся и упал. И тут со мной началось то, чего раньше никогда не случалось: меня трясло, я чувствовал жар. Я испытывал одновременно радость и сожаление – ведь я отнял жизнь у человека. Я рванулся к упавшему, чтобы посчитать на нем ку и забрать его оружие, но отец крикнул мне поторопиться к нему. Я подъехал к нему и помог ему подняться и сесть на лошадь сзади меня, и тут мы увидели наш табун, выходящий на равнину из ущелья, и слышали, как мама зовет нас на помощь. Она появилась, нахлестывая отставших лошадей, испуганно оглядываясь назад, и мы поняли, что враги почти догнали ее. Мы вовремя к ней присоединились – враги были на расстоянии полета стрелы, они выпустил в нас несколько стрел, но ни одна

в нас не попала. Пока мы подгоняли табун, отец запел победную песню нашего племени, и я присоединился к нему. Когда враги прекратили нас преследовать, что скоро случилось, и вернулись к своим убитым, я подобрал отцу свежую лошадь. Мы очень устали и хотели спать, но не прекращали движения до тех пор, пока, забравшись на вершину холма, мимо которого проезжали, не убедились в том, что никто нас не преследует. Солнце давно перевалило зенит, когда мы наконец остановились на Волчьем ручье – ручейке, текущем на юго-восток к Желтой реке¹³. Отец был очень доволен нашим успехом – ведь мы убили трех врагов; отец сказал, что это были кри, он хорошо разглядел их лица с татуировками в виде синих полос. И я почувствовал гордость от моего участия в этой стычке – разумеется, я был прав, застрелив одного из тех, кто собирался убить нас.

Но моя мама, пока жарила мясо, не улыбалась; она сказала отцу:

– Я едва не умерла от страха, когда вы двое оставили меня подгонять лошадей, а я увидела множество врагов, которые быстро нагоняли меня, пока я гнала вверх по тропе голодных лошадей.

– Но мы убили троих из них. Ты жива. Радуйся, – был ответ.

– Я не могу радоваться, идя по этой опасной тропе. Если нас не убьют где-то по пути, я уверена, что нас уничтожат Вороны, как только мы войдем в их страну...

– Женщина, наберись смелости. Верь мне. Я знаю, что делать. Вороны, хоть они и враги нашего племени, к нам троим отнесутся по-дружески, – перебил ее отец.

– Скажи еще, что и настоящий медведь может стать нашим другом! – крикнула она, и больше ничего не говорила.

Все мои страхи вернулись. Я был уверен, что наш конец близок.

Глава III

Волк присоединяется к отряду

Оставшуюся часть дня мы спали по очереди, и по очереди сидели на краю долины, следя за тем, на появится ли отряд кри, преследующий нас. Они не появились; несомненно, решили, что преследовать нас бесполезно. В сумерках мы погрузились и отправились на юг, и к середине ночи переправились через Желтую реку, прошли через проход в Желтых горах¹⁴, а при первом свете дня расположились в сосновой роще на их южном склоне, на скорую руку поджарили мяса и поели. От края рощи при свете дня мы хорошо видели пересекавшую равнину темную долину Южной Медвежьей реки¹⁵, которая текла на северо-восток и впадала в Большую реку. А за ней, в дымке на фоне неба, виднелась темная возвышенность, которая, как сказал отец, была хребтом Толсто-

рога и лежала уже в стране Ворон. Он не раз проходил у их подножия во время набегов на это племя. А теперь он ведет нас с мамой к тем самым людям, родичей которых он убивал. Мама снова плакала и умоляла его, пока еще не поздно, повернуть и пойти в форт Много Домов, где можно было в безопасности остаться среди наших братьев.

На это он кратко ответил:

– Мы пойдем дальше! Я снова говорю тебе: среди Ворон мы будем в такой же безопасности, как и среди своего племени!

Потом он велел нам с мамой спать, пока он не присмотрит за лошадьми, чтобы не позволить им выходить из рощи на открытый склон, где их непременно заметил бы любой проходящий мимо военный отряд. В роще было достаточно свежей травы и побегов дикого гороха.

Позже, когда солнце давно прошло середину своего пути по синеве, мы с мамой сторожили, пока отец спал. Лошади, насытившись хорошей травой и побегами, легли на землю и заснули, так что присмотр за ними не требовался. Поэтому мы с мамой пошли в нижнюю часть рощи, и там, сидя в прохладной тени, смотрели на обширную равнину и зубчатые горы, которые когда-то принадлежали Воронам, но были ими утрачены. Наши давние предки, отважные воины племен сиксика, пикуни и кайна, и с ними наши друзья утсена¹⁶ изгнали их оттуда после многих тяжелых сражений, и, наконец, загнали их за реку Лосиную¹⁷, на ее южный берег. Сто-

ит ли удивляться тому, что они нас ненавидят, это племя, к которому ведет нас отец? – спросила мама.

– Когда он проснется, снова попроси его повернуть и увести нас к нашему племени, – сказал я.

– Так же можно просить ветер изменить направление или реку потечь вверх по равнине! – ответила она.

Хоть мы и были печальными, в подавленном настроении, но все же не могли не чувствовать гордость за то, что все это наше – эта обширная земля, которую наши отцы отобрали у Ворон. Земля была черно-желтой из-за покрывавших ее бесчисленных стад бизонов и антилоп. На горных склонах выше и ниже нас было много оленей и лосей – они паслись, отдыхали или бродили поодиночке или маленькими группами. Нам было нужно мясо, и я полагал, что смогу добыть его с помощью своего ружья. Мама мне не разрешила: она сказала, что я должен, как сказал отец, беречь пули и порох. Так что я натянул лук и наложил стрелу на тетиву. Скоро к нам приблизились три лося, которые брели, пощипывая траву, и, когда они проходили рядом с нами, я выпустил стрелу и убил одного из них, годовалую лосиху, довольно жирную. Мы, не испытывая никакой радости, как обычно при такой работе, частично освежевали ее и взяли часть мяса. Какое счастье могли мы испытывать тут, где страх не отпускал нас, глядя на видневшиеся вдалеке на юге горы, вершины которых были красными в лучах заходящего солнца? Собрав ветки хлопковых деревьев, росших вокруг родника, мы развели бездым-

ный костер, поджарили мяса и позвали отца поесть вместе с нами. Он пришел, напевая одну из своих священных песен, хорошо поел и похвалил меня за то, что я добыл мясо с помощью лука. Мы с мамой больше ничего не сказали.

Снова и снова глядя на наши печальные лица, он сказал нам:

– Я хочу, чтобы вы отбросили страх, который поселился в ваших сердцах: через три или четыре ночи, считая от этой, вы будете очень счастливы.

– Кайю! Он говорит, что мы идем к своему счастью! – воскликнула мама.

Отец поморщился, но ничего не сказал.

Мы оседлали верховых лошадей, погрузили вещи на вьючных и, спустившись с гор, продолжили путь по широкой равнине. В середине ночи мы пересекли Южную Медвежью реку, а на рассвете остановились на отдых у небольшого озера, служившего водопоем для многочисленных животных, обитавших на равнине. Они приходили туда весь день, со всех сторон, и те, кто чуял наш запах, разворачивались и убегали. Это сильно нас беспокоило – нас с мамой, потому что мы хорошо знали, что любой военный отряд, оказавшийся недалеко отсюда, захочет узнать, почему животные убегают от озера; за исключением сезона спаривания, бизоны и антилопы всегда ходят неторопливо, если рядом нет их самого опасного врага, человека. Отец заметил наш страх и улыбнулся:

– Отдохните; выпитесь. Прошедшей ночью я видел хорошее видение. Можете мне верить – врагов рядом нет, – сказал он нам.

Он проспал первую половину дня, и, когда он проснулся и занял место часового, мы чувствовали такую усталость, что не могли ничего делать, только спать. Проснулись мы перед самым закатом, поели мяса, поджаренного впрок еще в горах, и продолжили путь. Ночь была облачной, но дождя не было. Нам с мамой пришлось хорошо поработать, чтобы заставить наш табун двигаться в быстром темпе, который задал отец с тех пор, как мы ушли от озера. Снова и снова он, оборачиваясь, кричал нам, чтобы мы подгоняли лошадей, не давая им переходить на шаг, потому что нам до рассвета нужно добраться до рощи на берегу реки Лосиной. Несколько раз нам пришлось останавливаться, чтобы поправить поклажу на выючных лошадях, и при каждой такой остановке он сильно нервничал. И наконец, когда один из тюков разорвался и все его содержимое рассыпалось и нам пришлось собирать все с травы, он отругал нас за то, что мы не взяли веревку покрепче.

– Но почему ты так волнуешься, если так уверен в том, что Вороны встретят нас, как друзей? Почему мы должны подойти к их земле ночью и спрятаться в роще? – спросила мама.

– У меня на это свои причины, – коротко ответил он.

Его тоже беспокоило то, что ночь была пасмурной и нель-

зя было увидеть звезд или отдельных холмов на равнине; он боялся, что не сможет выйти к реке в том месте, где соби-
рался через нее переправиться – немного выше устья реки
Толсторога.

Утро настало, когда мы были еще на равнине, но, несмот-
ря на темноту, с пути мы не сбились – невдалеке мы увидели
обрывы по берегам обеих рек. Приблизившись к краю доли-
ны большей из них, мы остановились и осмотрели ее вверх и
вниз, и долину меньшей реки – нигде над ними не поднимал-
ся дым от очагов вигвамов, нигде не было видно лошадей;
насколько хватало глаз, на зеленой траве мирно паслись или
отдыхали бизоны, антилопы, лоси и олени. Между нами и
большой рощей напротив устья Толсторога паслось большое
стадо бизонов. Отец долго смотрел на них и наконец сказал
нам:

– Мы не должны их потревожить, нужно их обойти.

После этого он повел нас назад по равнине и на запад, по-
том спустился в долину, где не было животных, которых мы
могли бы напугать – только несколько оленей. И там, уста-
лые после долгого и трудного ночного пути, мы расположи-
лись на отдых в большой роще из ив и хлопковых деревьев,
раскинувшейся вдоль берега Лосиной реки, быстро развели
бездымный костер из веток, поджарили и поели мясо лося,
которого я убил на склоне Желтой Горы. Потом отец остался
наблюдать, а мы с мамой легли спать.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда отец разбу-

дил нас и сказал, что теперь наша очередь дежурить и мы должны разбудить его, когда солнце будет совсем рядом с горами. Лошади паслись или отдыхали в середине рощи, особого присмотра за ними не требовалось, поэтому мы вышли на опушку рощи и сели там.

На берегу, между нами и склоном долины, паслось несколько старых бизонов, а ниже, напротив устья Толстороба, расположилось большое стадо коров и телят, которое мы утром не хотели спугнуть. Картина была совершенно мирная, но мама была в очень подавленном настроении.

– Этой ночью мы пересечем реку, войдем в страну Ворон. О, сын мой, сын мой! На другом берегу, я боюсь, нам придет конец, – сказала она мне.

– Нелегко будет пересечь такую большую реку; может быть, в ней мы и найдем свой конец, – сказал я.

– Да, может и так. Но это лучше, чем быть убитыми Воронами, – ответила она.

И мы надолго замолчали.

От размышлений нас отвлекло появление волка, который вел себя довольно странно. Он пересек открытое место и вошел в рощу ниже того места, где сидели мы. Ветер дул вниз по долине, и мы ожидали, что он выбежит и побежит на равнину, учуяв наш запах. Но нет! Поняв, что мы близко, он остановился ненадолго, снова и снова обнюхивая воздух, а потом, виляя хвостом и оскалившись, пошел вверх и, остановившись в десяти шагах от нас, завилял хвостом еще быст-

рее и оскалился еще больше, и то подступал к нам, то отходил, словно желая сказать нам: "Я хочу подружиться с вами, но боюсь".

Я встал и сказал:

– Волк, хороший волк, иди сюда.

Я протянул руку, и он подошел ближе, оскалившись еще больше, но отпрянул, когда я попытался коснуться его головы. Я снова заговорил с ним, и, когда я приблизился к нему, он не отступил. Я осторожно коснулся его мохнатой головы, и он лизнул мою руку, а потом, поднявшись на задние лапы, положил передние мне на плечи и лизнул мое лицо. Я похлопал его, провел рукой ниже и обнаружил у него ошейник – ремешок из мягкой кожи, украшенный вышивкой из игл дикобраза. Мы рассмотрели его; такой работы мы раньше не видели. Мама очень испугалась.

– Хозяин этого ручного волка должен быть недалеко отсюда, – сказала она.

Я сел. Волк покружил вокруг, обнюхивая кусты и деревья, а потом сел рядом со мной и положил голову мне на колени. Зверь мне понравился; я хотел бы, чтобы он стал моим. Своих собак мы оставили у своих родичей, когда пустились в дальний путь на юг. Этот волк мог стать нашим сторожем, нашим тихим часовым; он не станет лаять, увидев или учуяв человека, но своим поведением предупредит нас о его приближении. Услышав собачий лай, он завоет, но волки всегда воют, что бы ни случилось – они так предупреждают друг

друга о приближающейся опасности, о том, что найдена добыча – животное, умершее от ран, или завязшее в зыбучих песках на берегу реки, или о том, что нужно собраться, чтобы загнать стадо антилоп, или окружить и завалить одинокого старого бизона. А этот волк был самцом, но при этом добрым. Подобно людям, волки любят своих детей и заботятся о них, охотятся для них и приносят им мясо, пока те не вырастут достаточно для того, чтобы охотиться самостоятельно.

Солнце продолжало свой путь в синеве. В долине и по ее склонам бизоны и антилопы вели себя по-прежнему спокойно. Я больше и больше убеждался в том, что врагов поблизости нет, и что волк уже давно расстался с тем, кто растил и кормил его. Настало время будить отца, и, когда мы встали и пошли в рощу, волк шел за нами по пятам. Отец уже проснулся и сидел рядом с нашими седлами и тюками, куря трубку. Волк подозрительно посмотрел на него и стал ходить вокруг него кругами на приличном расстоянии, и я сказал, как этот зверь пришел к нам. Отец сказал, что, очевидно, этого волка вырастил мальчик – поэтому он не проявляет дружки к нему или к маме. Он был рад, что я получил такое животное, которое очень могло мне пригодиться.

У нас еще оставалось много лосиного мяса от моей добычи; часть его мы поджарили, и большой кусок я дал волку, который с жадностью съел его и стал вилять хвостом, прося еще. Отец и мама стали протягивать ему кусочки из своих порций, но из их рук он ничего не брал.

Когда солнце садилось, мы оседлали и навьючили своих лошадей и двинулись вверх по реке, пока не оказались напротив острова Голова Бобра. Это название он получил за то, что его очертания были схожи с этим животным. Там, на берегу реки, мы разгрузили лошадей и сложили всю поклажу на большой плот, который соорудили из сухих стволов хлопковых деревьев. Потом мы с отцом разделись, оставшись в одних набедренных повязках, сели на своих лошадей и погнали табун в реку, и только убедившись, что все лошади переправились на другой берег, слезли со своих и вплавь отправились назад. Там мы усадили маму на плот с грузом, столкнули его в реку и, ухватившись за него, работая руками и ногами, направили его к противоположному берегу. Течение было быстрым, плот тяжелым и глубоко сидел в воде. Как мы не старались, двигался он медленно и, достигнув наконец песчаной отмели на другом берегу и осмотревшись, мы поняли, что оказались чуть выше устья реки Толстороба. Когда мы столкнули плот в воду, волк плыл рядом со мной, а теперь, усталый, вышел на берег и держался рядом со мной. Когда мы вытащили плот и стали его разгружать, он бегал вокруг меня и, подпрыгивая, пытался лизнуть мое лицо, а потом шел рядом со мной, когда я вместе с отцом шел вверх по долине за нашими лошадьми. Когда мы привели их и снова оседлали и навьючили, было уже полночь.

Мы прошли через большую рощу хлопковых деревьев и поднялись из долины реки Толстороба, почти сразу спугнув

большое стадо бизонов, которые помчались с громким топотом копыт и стуком рогов. Волк побежал за ними, не обращая внимания на мои призывы вернуться. Мама сказала, что он убежал от меня и больше не вернется, но когда я немного спустя оглянулся, он был у ног моей лошади. Мы шли остаток ночи, пугая по пути стада бизонов, и волк недолго гнался за ними. Я боялся, что никогда не приучу его не преследовать животных, пока я не дам такой команды.

Когда настал рассвет, отец привел нас в большую рощу, там, у самого берега реки, мы разгрузили лошадей. Многочисленность бизонов, сказал он, говорит о том, что лагерей Ворон поблизости нет, так что он собирается весь день спать и, быть может, получить видение о том, что ждет нас впереди. Мы с мамой должны были поочередно дежурить и следить, чтобы лошади не выходили из рощи, и не будить его, если только мы не увидим приближения военного отряда или охотников Ворон.

– Мы целый день должны дежурить, мучаясь от голода? – спросила мама. – У нас и куска лосиного мяса не осталось.

– Вокруг полно хороших животных; у нашего сына есть хороший лук и стрелы, – ответил он и, взяв сверток со священной трубкой, повернулся и пошел в нижнюю часть рощи.

– Давай отдохнем, поспим немного, потом я попробую добыть мяса, – предложил я.

– Нет. Сначала охота, отдых потом, – ответила мама.

Я отдал ей ружье, натянул лук, взял несколько стрел и по-

шел в верхнюю часть рощи, мама и волк шли за мной. Кругом было множество свежих следов и навоза лосей и оленей, и я на каждом шагу ожидал увидеть какое-нибудь животное. Но никто не появлялся; мы шли по роще, и уже недалеко от ее верхней части я обнаружил на звериной тропе свежие следы, хорошо заметные в пыли – следы могучего охотника, прошедшего перед нами – крупного настоящего медведя. Мама задрожала, когда я указал ей на эти следы. Она выглядела очень испуганно и прошептала:

– Неудивительно, что тут нет вапиту или оленей! Пойдем обратно, пока этот липкий рот¹⁸ не увидел нас!

Я уже видел опушку рощи и зеленую траву на участке равнины между ней и следующей рощей на нашей стороне реки. Я был уверен, что медведь находится на равнине или в следующей роще, поэтому шел дальше, мама шла за мной, снова и снова уговаривая меня вернуться. Скоро мы уже стояли на краю рощи, укрытые от постороннего глаза кустами и крайними деревьями, и тут она издала вздох облегчения, прислонившись ко мне; на равнине, на полпути к следующей роще, мы увидели медведя, который пытался достать их норы земляную белку. Огромный, как бизон, как же глупо он выглядел, пытаясь упорным трудом добыть зверька, которого ему хватило бы на один укус! Копал он яростно; выброшенная его лапами земля облаком поднималась над ним.

Он прекратил копать, отошел от сделанной им ямы, сел на хвост и осмотрелся. Он был огромного роста, с широкой

тушей; одним ударом своей сильной лапы он мог бы переломить хребет взрослому бизону; и вот он выкопал себе на завтрак маленькую белку. Потом он встал на четыре лапы и пошел в соседнюю рощу. Мы увидели нескольких оленей и самок вапити с молодняком, убежавших от него; вапити побежали в долину, олени прямо к нам. Они остановились у края рощи, меньше чем в тридцати шагах от того места, где мы стояли, и я выпустил стрелу в одного из них; она отклонилась, задев ветку ивы, и вонзилась животному в заднюю левую ногу. Олень помчался вниз по равнине, остальные присоединились к нему. Волк побежал за ним и скоро длинным прыжком настиг его и свалил, вцепившись ему в горло, и, когда мы подоспели к животному, оно уже было мертво. Мы позволили волку насытиться мясом и кровью, и, когда он отправился к реке, вырезали язык, печень, лучшее мясо и часть ребер, и отнесли все это к месту нашей стоянки, чтобы приготовить завтрак. Волк скоро присоединился к нам, и, хоть и был сыт, съел несколько кусков жареного мяса. Мы были рады накормить его, потому что без его помощи мы бы остались без завтрака.

Мама первой стала дежурить и следить за лошадьми. После полудня она разбудила меня и сказала, что очень устала и должна поспать. С лошадьми у нее было много проблем – те все время хотели выйти из рощи, чтобы попасть на равнине. Я скоро прекратил это, привязав вожakov. Потом я пошел к верхней части рощи. Волк шел за мной, а потом сел

в зарослях шалфея на самом краю обрыва, спускавшегося к реке. На другой ее стороне паслось большое стадо бизонов, они медленно спускались к воде, чтобы напиться. На моей стороне долины, за рощей, в которую ушел медведь, было другое стадо – они уже напились и теперь поднимались по склону, чтобы дальше пастись на равнине. Я смотрел на них, пока последний не поднялся по склону и скрылся с глаз. Стадо на другом берегу спустилось к воде, животные напились, поплескались и потом улеглись на широком песчаном берегу – все, кроме нескольких коров, стоявших на часах – они жевали жвачку и смотрели в разные стороны. Когда первое стадо спустилось к воде, волк внимательно наблюдал за ним, то и дело оборачиваясь ко мне, словно спрашивая позволения убить одного из них. Я сказал ему, что он до горла полон хорошей олениной и, если хочет еще, пусть идет к туше – она рядом, и сам поест. Тогда он несколько раз повернулся и лег спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.